

Н.И. Барсов

**О значение Хомякова в истории
отечественного богословия**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1878. № 1-2. С. 303-320.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

О значеніи Хомякова въ исторіи отечественнаго богословія: полемиическая замѣтка.

Царствованіе Александра Благословеннаго, столѣтнюю годовщину котораго отпраздновала Россія, ознаменованное столь многочисленными политическими событіями не только русскаго общегосударственнаго, но и общемироваго значенія, отмѣчено также нѣсколькими крупными фактами въ исторіи развитія русской мысли. Въ эту знаменательную эпоху между прочимъ началась открытая борьба двухъ направленій въ русской наукѣ и въ литературѣ, получившихъ нѣсколько позже названіе западничества и славянофильства: разумѣемъ литературную борьбу двухъ знаменитыхъ дѣятелей эпохи Александра I: Н. М. Карамзина и А. С. Шишкова. Борьба эта, имѣющая значеніе одного изъ наиболѣе крупныхъ фактовъ въ исторіи русскаго языка и литературы, не имѣла-бы можетъ быть спеціального интереса для нашей духовной школы и науки, если-бы, начавшись въ эпоху Александра I и продолжаясь болѣе пятидесяти лѣтъ даже до нашихъ дней, она съ почвы исключительно филологической и литературной не перешла на почву вопросовъ общей культуры, гдѣ осложнилась привнесеніемъ въ число предметовъ спора между прочимъ новаго элемента, именно элемента религіознаго — вѣроисповѣднаго, причомъ былъ поставленъ вопросъ о значеніи православія, какъ одного изъ культурныхъ отличій славянской расы вообще и русской народности въ частности. Не довольствуясь разсужденіями о значеніи православія въ этомъ отношеніи, нѣкоторые изъ славянофиловъ отъ занятія философіей и соціологіей обратились къ изученію богословія и оста-

вили послѣ себя нѣсколько богословскихъ сочиненій, о значеніи и степени достоинствъ которыхъ вполне умѣстно разсуждать въ органѣ академической науки,—умѣстно тѣмъ болѣе, что значеніе это до сихъ поръ служить предметомъ разногласія, мало того—предметомъ несправедливыхъ нападеній и нареканій. Читатель догадывается, что мы говоримъ о Хомяковѣ и его знаменитыхъ брошюрахъ. Мы думаемъ съ своей стороны заплатить дань эпохѣ Александра I, памяти первоначальнаго славянофильства, поставивъ и по силамъ рѣшивъ въ настоящій разъ вопросъ о томъ, что-же такое наконецъ былъ Хомяковъ по отношенію къ отечественному богословію, и какъ должно вообще смотрѣть на отношенія такъ называемаго славянофильства вообще къ русской духовной наукѣ и школѣ?

Кто такой въ самомъ дѣлѣ былъ Хомяковъ? — „Отставной гусарскій штабъ-ротмистръ, возведенный славянофилами въ отцы церкви“: отвѣчаетъ на этотъ вопросъ „Вѣстникъ Европы“ (Октябрь 1877 г. стр. 897).

А давно-ли одинъ изъ корифеевъ на Руси того направленія, котораго главнымъ представителемъ у насъ теперь служить „Вѣстникъ Европы“, Грановскій, говорилъ о Хомяковѣ и его школѣ: „я отъ всей души уважаю этихъ людей, не смотря на совершенную противоположность нашихъ убѣжденій; въ нихъ такъ много святости, прямоты, вѣры, какъ я не видалъ еще ни въ комъ“. Самъ Герценъ, если вѣрить г. Пыпину, называлъ Хомякова „удивительнымъ человѣкомъ“ (см. жизнь и переписка Бѣлинскаго, т. II, стр. 180), конечно не въ дурномъ смыслѣ этого слова. Такъ говорили западники о славянофилахъ въ то время, когда борьба между двумя направленіями была въ полномъ разгарѣ, когда противники стояли другъ противъ друга лицомъ къ лицу, когда слѣдовательно до нѣкоторой степени извинительно было бы тѣмъ и другимъ обнаружить пристрастіе и предубѣжденіе относительно другъ друга. Теперь, когда пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ покойный мыслитель-славянофилъ спитъ „сномъ непробуднымъ“ на кладбищѣ Даниловскаго монастыря въ Москвѣ, когда необузданное западничество, устами Добролюбова и Писа-

рева, успѣло достаточно насмѣяться надъ его идеями и учениемъ (имѣемъ въ виду статьи: „Московское словенство“ — въ „Современникѣ“, и „русскій Донъ-Кихоть“ — кажется въ „Русскомъ Словѣ“), когда, съ другой стороны трудами болѣе безпристрастныхъ изслѣдователей—Бестужева-Рюмина, О. Миллера, Ламанскаго и другихъ выяснены съ достаточною полнотою и признаны почти всѣми громадныя и неоспоримыя заслуги славянофиловъ вообще и въ частности Хомякова для русской науки, равно какъ значеніе ихъ въ исторіи развитія русскаго общественнаго сознанія, теперь, въ тотъ самый моментъ, когда русское общество и русскій народъ съ такимъ энтузіазмомъ устремились, въ слѣдъ за своимъ Государемъ, на служеніе тому самому дѣлу, которое составляетъ въ значительной мѣрѣ результатъ умственного подвига, труда цѣлыхъ жизней, представителей славянофильства и во главѣ ихъ Хомякова,—теперь зачѣмъ понадобилось „Вѣстнику Европы“ обозвать Хомякова столь обиднымъ въ глазахъ почтеннаго журнала прозвищемъ: „отставнаго штабъ-ротмистра“?

Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ въ виду защищать славянофильство вообще и Хомякова въ частности отъ навѣтовъ и превратныхъ толкованій „Вѣстника Европы“. Но мы хотимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній—не для „Вѣстника Европы“ („одебелѣ бо сердце людей сихъ и ушима своими тяжело слышать“), а для православныхъ нашихъ читателей о дѣйствительномъ значеніи для православнаго богословія Хомякова, котораго покойный Ю. О. Самаринъ, гиперболически выражаясь, а отнюдь не въ терминологическомъ значеніи слова, назвалъ *отцемъ церкви*. На этотъ разъ мы будемъ кратки, не будемъ излагать самыхъ воззрѣній знаменитаго писателя на тѣ или другіе предметы изъ области богословскаго знанія, что уже сдѣлано нами въ рядѣ статей подъ заглавіемъ: „Новый методъ въ богословіи“ (см. „Христіанское чтеніе“ 1869 — 1870 гг.), а скажемъ именно о значеніи извѣстныхъ его брошюръ по отношенію къ богословской наукѣ.

Не только въ обществѣ, но и въ печати высказывались иногда сужденія о Хомяковѣ такого рода, что это—писатель не строго-православнаго направленія, что въ его сужденіяхъ есть не мало

ошибочнаго и погрѣшительнаго. Что въ сочиненіяхъ Хомякова не содержится мыслей прямо-неправославныхъ, за это отчасти ручается уже то внѣшнее обстоятельство, что всѣ они напечатаны въ одномъ изъ духовныхъ нашихъ журналовъ съ разрѣшенія духовной цензуры. Но мы думаемъ, что идеи Хомякова не только безупречны съ точки зрѣнія православнаго символическаго ученія, но и прямо соотвѣтствуютъ ему, выражая его истинный смыслъ по отношенію къ современнымъ запросамъ критической и отрицательной мысли раціоналистической науки. Въ виду накопившихся новыхъ вопросовъ богословской мысли, непредусмотрѣнныхъ и потому непрѣдрѣшенныхъ нашими символическими вѣроопредѣленіями, Хомяковъ изучилъ православное ученіе по его первоисточникамъ—священному Писанію и святоотеческимъ твореніямъ, изучилъ, по нашему мнѣнію, такъ глубоко, полно и цѣлостно, какъ дай Богъ всякому богослову по профессіи. Всѣ его идеи или вполне тождественны съ символическимъ ученіемъ Церкви и съ идеями, изложенными въ сочиненіяхъ, получившихъ классически-авторитетное значеніе въ нашей литературѣ и школѣ — въ томъ случаѣ, когда онъ трактуетъ о предметахъ, затрогиваемыхъ въ символическихъ книгахъ и классическихъ сочиненіяхъ по богословію, или же—по меньшей мѣрѣ—не содержатъ противорѣчій имъ, когда Хомяковъ касается вопросовъ, дотолѣ не предусмотрѣнныхъ и не прѣдрѣшенныхъ, поставленныхъ на очередь позднѣйшей современной полемикой противъ православія со стороны католичества и протестантства, а также раціоналистической отрицательной критики.

Обвинять Хомякова въ протестантскомъ раціонализмѣ или мистицизмѣ, какъ это у насъ дѣлаютъ иногда, значить, по нашему мнѣнію, не имѣя не только яснаго, но и никакого понятія о богословскихъ сочиненіяхъ Хомякова, преднамѣренно клеветать на знаменитаго мыслителя, преданность котораго православію всецѣлая и, что конечно гораздо важнѣе, замѣчательно — разумная, должна стоять выше всякаго сомнѣнія, и составляетъ съ его стороны—въ виду отношеній къ нему тогдашнихъ литературныхъ партій и современныхъ намъ нападеній на него тѣхъ людей, по взгляду которыхъ религіозное вѣрованіе есть міросозерцаніе народовъ младен-

чествующихъ, переходный моментъ въ исторіи человѣческаго развитія, — замѣчательный подвигъ самоотверженія, оцѣненный по достоинству далеко не всѣми даже изъ его почитателей. Ему принадлежитъ лишь *новый методъ* постановки и рѣшенія вопросовъ¹⁾. Отрицаніе этого метода, по нашему мнѣнію, равносильно съ одной стороны отрицанію научнаго элемента въ области Богословія, съ другой — цѣлесообразной, соотвѣтственной нуждамъ времени, апологетики христіанства вообще и православія противъ католичества и протестантства въ частности. Что особенно дорого для православнаго богослова въ сочиненіяхъ Хомякова — это тѣ отношенія, въ коихъ находится его богословствованіе къ ученію св. отцовъ и учителей Церкви классическихъ вѣковъ христіанства, тѣхъ вѣковъ, когда этими лучшими въ христіанствѣ представителями классической учености и образованности выработана была полная и стройная система христіанскаго міровоззрѣнія, составляющая первоисточникъ православнаго богословія, какъ науки. Изучивъ съ изумительною основательностію и глубиною западную богословскую науку, преимущественно раціоналистическую, онъ вопреки обвиненіямъ, которыя слышатся противъ него, не захотѣлъ стать къ ней въ рабскія отношенія, и съ замѣчательнымъ для человѣка свѣтскаго образованія чутѣмъ съумѣлъ угадать въ литературѣ святоотеческихъ твореній свѣточъ на пути къ религіозной истинѣ, и изъ непосред-

¹⁾ Говоря такъ же образомъ, мы руководимся тѣмъ соображеніемъ, что брошюры Хомякова явились въ печати гораздо раньше, чѣмъ знаменитыя лекціи по Богословію преосвященнаго Иннокентія херсонскаго, въ свое время еще болѣе, чѣмъ брошюры Хомякова заподозрѣвавшіяся въ неологизмѣ; лекціи по умозрительному Богословію Ѳ. А. Голубинскаго, лекціи Ѳ. Ѳ. Сидонскаго и преосвященнаго Іоанна Смоленскаго, напечатанныя въ «Христіанскомъ Читаніи», и нѣсколько другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ трудовъ по Богословію догматическому и нравственному, написанныхъ въ томъ же направленіи, въ какомъ писалъ Хомяковъ, появились въ свѣтъ также позже брошюръ Хомякова. «Премудрость и благость Воля въ судьбахъ міра и человѣка» («о конечныхъ причинахъ») — сочиненіе, обратившее въ свое время — въ пятидесятыхъ годахъ — на себя общее вниманіе, хотя появившеся въ свѣтъ и прежде брошюръ Хомякова, но, кажется, не было ему извѣстно — по крайней мѣрѣ мы не находимъ у него цитаты изъ этого превосходнаго апологическаго труда, можетъ быть впрочемъ и потому, что онъ относится не къ той отрасли Богословія, къ которой принадлежатъ брошюры Хомякова.

ственного изученія этихъ твореній извлечь такой громаднй запасъ оружія для своей, сколько оригинальной, столько же блестящей апологіи православія. Непосредственное, глубокое и цѣлостное изученіе твореній святоотеческихъ дало отставному штабъ-ротмистру знаніе богословія, поистинѣ изумительное въ человѣкѣ свѣтскаго образованія: оно дало ему возможность приникнуть въ самый процессъ созиданія христіанскаго міровоззрѣнія, сроднило духъ его съ міромъ идей, надъ разработкою которыхъ съ такимъ вдохновеніемъ и энтузіазмомъ трудились отцы Церкви; изучая эти творенія, онъ, можетъ быть безотчетно, тѣмъ не менѣе неотразимо и всецѣло проникся этимъ вдохновеніемъ и энтузіазмомъ, этою свѣжестію и непосредственностію христіанской мысли и христіанскаго чувства; путемъ непосредственнаго проникновенія въ этотъ родникъ христіанскаго творчества христіанскія идеи такъ сказать ассимилировались въ отправленіяхъ его мысли и сдѣлались неотъемлемымъ ея достояніемъ: результатъ всего этого и представляютъ его богословскія сочиненія. Кто сколько-нибудь внимательно изучалъ сочиненія Хомякова въ параллель съ твореніями св. Аѳанасія, Василія Великаго, двухъ Григоріевъ, Назіанзена и Нисскаго, тотъ не могъ не убѣдиться въ справедливости сейчасть сказаннаго, не могъ не поражаться изумительнымъ сходствомъ между тѣми и другими въ духѣ и тонѣ рѣчи, въ складѣ мысли, въ постановкѣ вопросовъ и способахъ ихъ рѣшенія. Самая эта смѣлость въ постановкѣ проблемъ христіанской догматики и въ своеобразномъ ихъ рѣшеніи—это черта поистинѣ святоотеческая (припомните богословствованіе св. Григорія Назіанзена). Но на ряду съ этой смѣлостію, ему, какъ и Григорію Богослову, присуще трогательное благочестіе, то смиренномудренное благоговѣніе къ предмету мышленія, которое показываетъ, что этотъ „свободный мыслитель“ всѣмъ существомъ своимъ вѣруеть въ Откровеніе Божественное, всецѣло преданъ дѣлу православія, что служа этому дѣлу онъ хочетъ и надѣется доказать свою преданность ему не одною дѣтски-безотчетною покорностію, но и своею могучею мыслью, сильною доказать самостоятельность своего исповѣданія не только для себя лично, но и въ виду самыхъ скептическихъ запросовъ отрицанія,

являющагося во всеоружіи науки. Здѣсь беретъ свое начало та апостольская, непрестающая болѣзнь сердца, какую возбуждаетъ въ нашемъ богословѣ видъ религіозной розни, а также его изумительная изобрѣтательность и находчивость, цѣпкость мысли и рѣдкое чутье истины въ рѣшеніи сложныхъ хитросплетеній рационалистической полемики папистовъ и протестантовъ.

Всего мѣстѣ справедливо обвинять Хомякова въ мистицизмъ, въ смыслѣ извѣстнаго односторонняго направленія западной религіозной мысли. Читая разсужденія Хомякова о значеніи нравственной чистоты и вообще нравственного элемента въ ряду способовъ постиженія и усвоенія богооткровенной истины, о христіанской любви, какъ руководящемъ и заправляющемъ началѣ лично-религіозной и церковно-общественной жизни христіанина, о внутреннихъ психическихъ процессахъ, переживаемыхъ имъ на пути личнаго духовнаго усовершенствованія, или—эту превосходную интерпретацію богослужебнаго возгласа: „возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы Отца и Сына и Св. Духа“, легко убѣждаемся, что это не мистицизмъ квакеровъ или методистовъ, не мистицизмъ даже Таулера или Шпенера, а истинно православное пониманіе дѣйствительныхъ основъ внутренней нравственной жизни христіанина, достигнутое чрезъ глубокое и тщательное изученіе богумудрыхъ отцовъ церкви вселенской: св. Макарія Египетскаго, аввы Дорофея, Исаака сиріанина, Исидора Пелусіота, Іоанна епископа лѣстницы и другихъ, разъяснявшихъ въ своихъ твореніяхъ такъ называемое въ христіанской аскетикѣ (напримѣръ въ твореніяхъ преподобнаго Нила Сорскаго) ученіе объ „умномъ“ или „духовномъ“ дѣланіи“. Для того, кто дастъ себѣ трудъ изучить сочиненія Хомякова въ параллель съ твореніями этихъ отцовъ церкви, по нашему мнѣнію, не останется въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что говоря такимъ образомъ, указывая на изложенное выше отношеніе Хомякова къ твореніямъ святоотеческимъ, мы отнюдь не думаемъ приравнивать нашего богословадиллетанта къ отцамъ церкви (этого высокаго и священнаго званія церковь не удостоила пока даже такихъ свѣтилъ своихъ, какъ

Платонъ и Филаретъ московскіе, Иннокентій херсонскій и другіе) ни по степени заслуги для церкви, ни по степени авторитета,—мы хотѣли лишь чрезъ сравненіе выяснитъ характеръ богословствованія Хомякова.

Все вышеизложенное мы нашли нужнымъ сказать для того, чтобы показать, почему насъ, какъ, надѣмся, и всякаго православнаго читателя, оскорбляетъ презорливый отзывъ о Хомяковѣ людей, по собственному ихъ признанію, ничего не понимающихъ въ этой области знаній, а также почему мы, съ своей стороны, не можемъ относиться къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова иначе, какъ съ полнымъ и глубокимъ уваженіемъ.

Многихъ смущаетъ, относительно богословскихъ воззрѣній Хомякова, еще то обстоятельство, что содержаніе его сочиненій какъ-то не совпадаетъ съ обычнымъ содержаніемъ нашихъ курсовъ богословія (напримѣръ его полемика противъ католиковъ и протестантовъ—съ содержаніемъ обличительнаго богословія архим. Иннокентія). Но Хомяковъ не былъ богословъ по профессіи, не имѣлъ въ виду цѣлей учебной школьной систематики; онъ вовсе не имѣлъ въ виду проводить параллель по всѣмъ частнымъ пунктамъ между догматами православія и догматами западныхъ вѣроисповѣданій; его задачей было показать *сущность* православія и его отношеніе къ западнымъ вѣроисповѣданіямъ. То есть—его задача не догматическая, и даже не полемическая въ школьномъ смыслѣ этого слова, а главнымъ образомъ историко-философская. Поэтому ему не было надобности перебирать одинъ за другимъ, въ систематическомъ порядкѣ, пункты ученія трехъ исповѣданій, а нужно было выяснять существенные и отличительные признаки каждаго исповѣданія въ его такъ сказать конкретной формѣ, чтобы затѣмъ составить полное и правильное *логическое опредѣленіе* каждаго вѣроисповѣданія. По нашему мнѣнію помимо и внѣ метода Хомякова рѣшеніе такой задачи, при помощи однихъ наличныхъ средствъ нашей богословской литературы, при всѣхъ ихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, рѣшительно не возможно. Ни символическія наши вѣроизложенія, ни существующая у насъ догматическая литература не предусматриваютъ, а потому и не предрѣшаютъ подобнаго вопроса. Тѣ и другія, насколько

касаются полемики, трактуютъ о разностяхъ между исповѣданіями по отношенію лишь къ тѣмъ или другимъ частнымъ пунктамъ догматическаго ученія. Вопросъ о *сущности* вѣроисповѣданія въ первый, если не ошибаемся, поставленъ позднѣйшимъ протестантскимъ богословіемъ, и явился въ немъ какъ результатъ обобщающаго синтетическаго склада и направленія нѣмецкаго ума вообще и въ частности какъ результатъ научнаго антисхоластическаго движенія протестантскаго богословія, стремящагося къ сближенію міросозерцанія религіознаго съ міросозерцаніемъ научнымъ, именно съ философійю супранатуралистической и идеалистической, если не въ содержаніи, то въ методѣ изслѣдованія. На нашу почву это новое въ богословіи слово — „сущность вѣроисповѣданія“ — перенесена Хомяковымъ, отчасти по связи съ общимъ строемъ его міросозерцанія, выработавшагося путемъ философскаго образованія, отчасти въ виду спеціальной задачи его полемическихъ трактатовъ, направленныхъ противъ современнаго протестантскаго и католическаго богословія и требовавшихъ именно такой, а не иной постановки вопроса. Такимъ образомъ только у Хомякова мы находимъ настоящее логическое опредѣленіе православія, равно какъ католичества и протестантства, то есть такое опредѣленіе, которое даетъ намъ не только существенные и положительные признаки предмета, но и его отличительныя черты, дающія читателю понятіе о немъ не только правильное и точное, но вмѣстѣ съ тѣмъ — ясное и подробное.

Особенно оригиналенъ и цѣлесообразенъ въ этомъ смыслѣ тотъ способъ, какого держится Хомяковъ при характеристикѣ католичества и протестантства. Какъ извѣстно, католичество, насколько оно не согласуется съ православіемъ, все основано на неправильномъ пониманіи мѣстъ св. писанія и твореній св. отцовъ церкви, взятыхъ внѣ контекста рѣчи. Въ этомъ смыслѣ полемику съ нимъ можно считать давно оконченною — со временъ Адама Зерникава. Всѣ послѣдующія сочиненія этого рода, составляющія громадную по объему литературу, были ни чѣмъ инымъ, какъ повтореніями стараго. Задача современной полемики противъ католичества, равно какъ и протестантства — не противопоставленіе однихъ мѣстъ св.

писанія и святоотеческихъ твореній другимъ, а выясненіе нашимъ заблуждающимся западнымъ братьямъ того пути, какимъ они дошли, помимо личнаго произвола тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ историческихъ личностей, до своего заблужденія, въ силу неотразимыхъ законовъ исторіи. Это и дѣлаетъ Хомяковъ при помощи историко-сравнительнаго метода, имѣющаго нынѣ въ наукѣ всерѣшающее значеніе, и еще — такъ называемаго ученія о культурно-историческихъ типахъ. При такой постановкѣ вопроса, католичество и протестантство, какъ заблужденія, являются не какъ дѣло отдѣльныхъ историческихъ личностей, а какъ историческія явленія, составляющія продуктъ цѣлаго строя историческихъ условій и — особаго склада духовныхъ силъ народовъ латинской и нѣмецкой расы. Вмѣстѣ съ тѣмъ вниманію изслѣдователя самое ученіе того или другаго вѣроисповѣданія представляется не въ отрывочныхъ пунктахъ, а въ цѣльномъ конкретномъ образѣ исторически развившагося факта, о которомъ можно составить одно цѣльное и полное представленіе, легко поддающееся логическому опредѣленію. Ведя дѣло такимъ порядкомъ, Хомяковъ вводитъ читателя его сочиненій въ пониманіе внутреннихъ и существенныхъ особенностей каждаго вѣроисповѣданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ съ духомъ и сущностію православія.

Наконецъ указываютъ на нѣкоторыя отдѣльныя выраженія и мѣста въ сочиненіяхъ Хомякова, будто бы не православныя, на примѣръ на его мысли о значеніи обряда, на его мысль о томъ, что богооткровенное ученіе не можетъ быть предметомъ одного логическаго изслѣдованія, что при изученіи божественнаго откровенія потребно участіе другихъ силъ души, на примѣръ благонастроеннаго чувства нравственнаго, — мысль о томъ, что значеніе богословскаго изслѣдованія для церкви опредѣляется не научными его достоинствами, а вѣрностію духу церкви и пр. Съ своей стороны признать эти и многія подобныя сужденія Хомякова не православными мы рѣшительно затрудняемся. Такихъ своеобразныхъ сужденій, имѣющихъ значеніе единственно личныхъ мнѣній, не санкціонированныхъ авторитетомъ церкви, но и не отвергнутыхъ ею, въ ~~христианской~~ литературѣ появлялось множество всякій разъ, когда

болѣе или менѣе подѣ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ возбуждалась съ особенною силою религіозная мысль въ христіанскомъ обществѣ. Таковы многочисленныя такъ называемыя частныя мнѣнія въ твореніяхъ ея отцевъ церкви, высказанныя ими по поводу разныхъ ересей; таковы въ нашей русской духовной литературѣ многія сужденія преп. Іосифа Волоцкаго (въ „Просвѣтителѣ“), мысль „Апокрисиса“ Христофора Филалета и другихъ противонапистическихъ и противоуніатскихъ сочиненій, мысли въ духовной русской литературѣ временъ братьевъ Лихудовъ (по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ—въ таинствѣ Евхаристіи), таковы, наконецъ, многія догматическія сужденія въ проповѣдяхъ митрополитовъ Платона и Филарета. Подобныя мысли, по нашему мнѣнію, и составляютъ область богословія, какъ науки. Отрицать возможность и законность появленія подобныхъ своеобразныхъ сужденій о предметахъ не предусмотрѣнныхъ и не предрѣшенныхъ ни символическими вѣроизложеніями, ни наличною литературою авторитетныхъ сочиненій частныхъ богослововъ по профессіи—значить въ самомъ принципѣ отрицать возможность поступательнаго движенія религіозной мысли или—что тоже—богословской науки.

Мы считаемъ себя въ правѣ въ настоящемъ случаѣ войти въ разсмотрѣніе, или по крайней мѣрѣ отчасти коснуться тѣхъ пунктовъ славянофильскаго ученія, которые не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ ученію религіозному. Намъ кажется совершенно непонятнымъ, почему почтенный „Вѣстникъ Европы“ такъ постоянно и такъ упорно нападаетъ на литературную школу ¹⁾, столь

¹⁾ Въ настоящее время, впрочемъ, школа эта сократилась до послѣдняго минимума и не имѣетъ ни одного самостоятельнаго журнальнаго органа. Въ самое послѣднее время славянофильство понесло двѣ тяжкихъ утраты. Въ то самое время, какъ мы пишемъ эти строки, въ Москвѣ хоронятъ Ѳ. В. Чиждова, а въ Петербургѣ—А. Н. Попова. Первый извѣстенъ своимъ горячимъ и дѣятельнымъ участіемъ въ изданіи московскихъ славянофильскихъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ имъ не мало напечатано статей по финансовымъ вопросамъ, составлявшимъ его спеціальность. Второй былъ ближайшимъ ученикомъ А. С. Хомякова, выросъ и воспитался подѣ его непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ, отчасти въ его домѣ. Мы знали покойнаго лично, и то время,

намъ симпатичную, столь родственную духовной школѣ. Вѣдь славянофильство, какъ уже не разъ было сказано и доказано, плоть отъ плоти и кость отъ костей западничества. Какъ теоретическая доктрина, окончательно сформулированная у насъ во второй чет-

какое мы провели въ его обществѣ, останется для насъ навсегда памятнымъ. Мы можемъ сказать, что духъ его наставника опочилъ на ученикѣ—духъ любви къ научнымъ изысканіямъ, къ интеллектуальной работѣ и къ отвлеченнымъ, иногда философскимъ разсужденіямъ. Каждый разъ, какъ намъ случалось посѣщать его, мы заставляли его за научной работой (хотя это было большею частію во дни, имъ самимъ назначенные), обложеннаго книгами и рукописями. Отрываясь отъ этой работы, радушный хозяинъ весьма охотно, даже съ горячностью, предавался разсужденіямъ о вопросахъ не столько современной жизни, сколько — теоретическихъ, научныхъ, между прочимъ — богословскихъ. И это не было лишь дѣломъ простой любезности со стороны хозяина къ человѣку духовнаго образованія, но, какъ мы убѣждены, было дѣломъ внутренней потребности ученика Хомякова, унаслѣдовавшаго отъ своего наставника любовь къ ученымъ диспутамъ вообще, и въ частности въ области богословія. — Что касается ученыхъ трудовъ А. Н. Попова, то они почти всѣ историческаго содержанія и отличаются строго-объективнымъ направленіемъ. Изъ нихъ намъ извѣстны: «Дѣло Н. И. Новикова и его товарищей», «Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи», «Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина», разборъ сочиненія священника М. Я. Морошкина «Іезуиты въ Россіи», составленный по порученію императорской Академіи Наукъ и напечатанный въ ея «запискахъ». Первые два изслѣдованія были напечатаны, если не ошибаемся, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», о Стенькѣ Разинѣ—въ «Русской Бесѣдѣ». Въ перечнѣ сочиненій А. Н. Попова, напечатанномъ въ нѣкоторыхъ газетахъ, между прочимъ—въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» ему приписываются, кромѣ численныхъ, нѣкоторые сочиненія, ему непринадлежащія, именно: «Обзоръ хронографовъ русской редакціи» (М. 1869) сочиненіе г. Андрея Попова, московскаго писателя; «Придворные проповѣдники въ царствованіе Елизаветы Петровны»—сочиненіе Нила Попова (профессора московскаго университета, извѣстнаго слависта), напечатанное въ «Лѣтописяхъ русской литературы», издававшихся нѣкогда Н. С. Тихомировымъ. Послѣдній обширный трудъ его, оставшійся неоконченнымъ «Отечественная война 1812 года» печатался по частямъ въ «Русской Старинѣ» и «Русскомъ Архивѣ»: зъ немъ авторъ собралъ много новыхъ фактовъ и далъ новое освѣщеніе извѣстнымъ прежде, по сочиненіямъ Данилевскаго и Богдановича. Этотъ послѣдній трудъ, какъ намъ положительно извѣстно, явился такъ сказать эпизодически, какъ результатъ занятій автора біографіей знаменитаго московскаго главнокомандующаго въ эпоху 1812 года Ѳ. В. Ростопчина. Еще въ 1875 году покойный показывалъ намъ обширный рукописный томъ этой біографіи, совершенно приготовленный къ печати. Онъ показывалъ намъ и отчасти прочитывалъ цѣлую массу писемъ къ нему Хомякова, о необходимости изданія въ свѣтъ которыхъ говорилъ А. Н.—чу еще покойный Гильфердингъ, когда издавалъ «Записки Хомякова по всеобщей исторіи». Нужно желать, чтобы какъ біографія Ростопчина, такъ и письма Хомякова не остались не напечатанными.

Н. Б.

верти настоящаго столѣтія, она—такое же дѣтище западной философіи первой четверти настоящаго столѣтія, какъ и само западничество.

Гегелизмъ—общій источникъ какъ славянофильства, такъ и западничества. Западники, слѣдующе Гегелю, говорятъ, что народность есть не что иное, какъ индивидуализація общаго, форма, въ которую влагается общая идея человѣчества. Форма эта вырабатывается исторією, природою, дается намъ помимо нашего сознанія и какихъ-либо стремленій, подобно тому, какъ и личная наша физиономія; поэтому мы не только не имѣемъ надобности стремиться къ народности,—напротивъ, намъ трудно отрѣшиться отъ нея, если бы мы и захотѣли. Стремиться къ народности значитъ стремиться къ формѣ, не заботясь о содержаніи ея, тогда какъ главное наше стремленіе должно заключаться въ томъ, чтобы вливать въ эту форму общечеловѣческое содержаніе; въ концѣ же концовъ отрѣшавшаяся все болѣе и болѣе отъ временныхъ и узкихъ формъ народностей, человѣчество должно стремиться къ тому, чтобы слиться въ одну общечеловѣческую форму, которая бы носила въ себѣ общечеловѣческое содержаніе. Славянофильство въ своемъ ученіи оперлось на то положеніе Гегелевой философіи, что каждая историческая народность есть носительница своей новой идеи, которую она влагаетъ въ общую сокровищницу развитія человѣчества; изъ этого оно прямо вывело то заключеніе, что увлеченіе идеями и формами жизни другихъ національностей и не цѣлесообразно и бесполезно, даже вредно, такъ какъ оно отвлекаетъ народъ отъ развитія тѣхъ началъ и той идеи, которыя онъ обязанъ внести самъ въ развитіе человѣчества, чтобы имѣть право на то или другое мѣсто въ исторіи культурныхъ народовъ; поэтому мы должны, говорили славянофилы, не то, чтобы безусловно отречься отъ всякой солидарности съ западной цивилизаціей или игнорировать ее, но относиться къ ней критически, пользуясь ею лишь настолько, насколько она отвѣчаетъ характеру и органическимъ потребностямъ нашей народности, и во всякомъ случаѣ не увлекаться западными идеями до того, чтобы забыть о собственной спеціальной исторической миссіи, которая состоитъ въ выработкѣ

собственных народных началъ, которыя мы готовимся, какъ народъ историческій, внести въ общую сокровищницу общечеловѣческой цивилизаціи ¹⁾).

Такова первоначальная, чисто-трансцендентальная, апіорическая схема славянофильской теоріи въ ея такъ сказать зародышномъ состояніи. За нею слѣдовали спеціальныя разсужденія о необходимости національнаго самосознанія, не рабскаго, а сознательнаго критическаго отношенія къ западу, о томъ, въ какой мѣрѣ славянское племя составляетъ самобытный культурно-историческій типъ, о томъ, что при смѣнѣ историческихъ генераций въ человѣчествѣ славянству предстоитъ видная историческая будущность, что въ суммѣ культурныхъ отличій славянскаго племени самый существенный ингрѣдиентъ составляетъ Православіе, что славянское племя призвано быть носителемъ православной христіанской идеи, что православіе лежитъ въ основѣ славянской цивилизаціи, какъ латинство—въ основѣ западной цивилизаціи, германо-романской, и проч. и проч. Первоначальная трансцендентальная теорія нашла себѣ фактическое подтвержденіе и оправданіе въ дальѣйшемъ развитіи славянофильства, когда оно отъ апіорическихъ построеній обратилось къ фактическому изученію славянскаго міра вообще и въ частности древне-русской исторіи и современной жизни русскаго народа, его бытовыхъ памятниковъ, произведеній народной русскаго словесности. Результаты этихъ работъ для русской науки слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ нужно было распространяться. Не только писатели примыкающіе если не всецѣло, то нѣкоторыми сторонами своихъ доктринъ къ славянофильству, каковы вообще наши слависты, но и самъ г. Пыпинъ недавно, въ цѣломъ рядѣ статей напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, признали эти результаты въ той или другой степени, прямо или косвенно. Изъ-за чего же доселѣ продолжается столь ожесточенная полемика противъ славянофильства?

¹⁾ Боле подробное, хотя нѣсколько одностороннее и не совсѣмъ правильное по отношенію къ славянофильству раскрытіе этихъ понятій объ отношеніи западничества и славянофильства къ теоріи Гегеля, см. въ весьма дѣльной статьѣ г. Скабичевскаго „Живая струя“ въ Отечеств. Запискахъ за 1868 г. апрѣль.

„Московской теоріи не нравится западная цивилизація“, утверждает „Вѣстникъ Европы“ (октябрь стр. 898). Эта фраза весьма знаменательна въ устахъ „Вѣстника Европы“: въ ней прекрасно резюмировано все пониманіе современными нашими западниками славянофильства и источникъ именно такихъ, а не иныхъ ихъ отношеній къ нему. „Московской теоріи не нравится западная цивилизація“, — т. е. по мнѣнію „Вѣстника Европы“ славянофильство — не научная теорія, а *инстинктъ*, безотчетное чувство отвораченія ко всему чужеземному. Такого несправедливаго и, можно сказать, невѣжественнаго отношенія къ славянофильству мы, признаемся, никакъ не ожидали отъ просвѣщеннаго „Вѣстника Европы“.

Почтенному журналу, претендующему быть по преимуществу журналомъ историческимъ, должно быть извѣстно, что всегда и вездѣ, у всѣхъ народовъ историческая жизнь развивается чрезъ борьбу двухъ направленій — консервативнаго и прогрессивнаго, до тѣхъ поръ, пока народъ не разовьется до полной зрѣлости своихъ духовныхъ силъ и до полного самосознанія. Въ самую начальную эпоху своей исторической жизни каждый народъ, имѣющій стремленіе занять то или другое мѣсто въ семьѣ народовъ культурныхъ, обнаруживаетъ сознаніе своей интеллектуальной несостоятельности, наклонность къ заимствованіямъ у своихъ сосѣдей, къ подражательности. Это — первый шагъ народа на пути прогресса. Но одновременно съ этими прогрессивными стремленіями, принадлежащими обыкновенно лучшимъ, передовымъ людямъ страны, ея интеллигенціи, живетъ въ народѣ элементъ консервативный; это та часть народа и общества, которая упорно стоитъ за старину, настойчиво отрицаетъ всякую новизну, всякую подражательность. Эта борьба тянется чрезъ весь подражательный періодъ исторіи, который большею частію бываетъ весьма продолжителенъ. Такимъ образомъ и въ русской исторіи за долго до появленія западничества и славянофильства въ ихъ современномъ смыслѣ, западничества Чаадаева, Грановскаго и другихъ, славянофильства Кирѣевскаго, Хомякова, Валуева, Аксаковыхъ и пр. искони существовали своего рода западники и славянофилы, если разумѣть подъ западничествомъ стремленіе къ заимствованіямъ, къ подражанію Западу,

а подъ славянофильствомъ — упорное отстаиваніе родной старины въ ея status quo, и отчужденіе отъ всего чужеземнаго. Въ этомъ смыслѣ западниками были Владиміръ Святой, Ярославъ Мудрый, Іоаннъ III, Годуновъ, Лжедимитрій, Котошихинъ и Матвѣевъ, Петръ Великій съ „его птенцами“, Кантемиръ и Ломоносовъ, Карамзинъ. Славянофильствовала въ этомъ смыслѣ вся масса русскаго народа (особенно старообрядство), выставлывшая изъ среды общества иногда интеллигентныхъ и сознательныхъ бойцовъ за свое направленіе, каковы напримѣръ были фонъ-Визинъ и Шишковъ, а еще раньше — патріархъ Адріанъ, Стефанъ Яворскій и партія царевича Алексѣя Петровича.

Нужно ли доказывать „Вѣстнику Европы“, что не эти направленія слѣдуетъ разумѣть подъ западничествомъ и славянофильствомъ, когда въ настоящее время рѣчь заходитъ о западникахъ и славянофилахъ, не тѣ отношенія къ Западу, какія возникаютъ изъ безотчетнаго чувства и инстинкта, а тѣ, которыя обоснованы на теоретическомъ изученіи науки, на принципахъ соціологіи? Если съ этой точки зрѣнія — соціологической — мы станемъ судить о предметѣ, не переимѣнятся ли роли? Не правильнѣе ли въ этомъ случаѣ будетъ назвать консерватизмомъ и ругиной именно эту слѣпую вѣру въ принципы и традиціи Петровской эпохи, въ безусловную необходимость пересаживанія и въ настоящее время на русскую почву безъ разбора всего, что производитъ Западъ, чѣмъ — прежніе и теперешніе славянофильскіе толки о національной культурѣ, о національномъ самосознаніи и о прочемъ, — которые, какъ намъ кажется, найдутъ для себя, если поискать, большее или меньшее подтвержденіе и у самыхъ западныхъ соціологовъ послѣдняго времени, напримѣръ у Герберта Спенсера?

Что касается упрека, дѣлаемаго „Вѣстникомъ Европы“ московской теоріи, въ томъ, будто этой послѣдней „не нравится западная цивилизація“, то стоитъ взглянуть на первыя страницы перваго тома сочиненій Хомякова (стр. 1 — 90), гдѣ помѣщены его двѣ статьи, писанныя еще въ 1845 году — „мнѣнія иностранцевъ о Россіи“ и „мнѣнія русскихъ объ иностранцахъ“, чтобы видѣть, до какой степени такое обвиненіе несправедливо. Славянофилы го-

ворили лишь противъ того, что „Россія (тогдашняя Россія — 1845—50 годовъ) принимаетъ отъ Запада все безъ разбора, „добродушно признавая за просвѣщеніе всякое явленіе западнаго міра, всякую новую систему и новый оттѣнокъ системы, всякую новую моду и оттѣнокъ моды, всякій плодъ досуга нѣмецкихъ философовъ и французскихъ портныхъ, всякое измѣненіе въ мысли или бытѣ, — что при этомъ мы не осмѣлились ни разу хоть вѣжливо, хоть робко, спросить у Запада: все-ли то правда, что онъ говорить, все-ли то прекрасно, что онъ дѣлаетъ“ (См. соч. Хомякова, т. I, стр. 12—14). Но они не отрицали пользы для Россіи дѣйствительныхъ пріобрѣтеній западной культуры — въ области философіи и вообще науки, права, литературы и т. д., т. е. всего того, что составляетъ цивилизацію въ дѣйствительномъ и точномъ смыслѣ слова. Отъ протеста противъ увлеченія эфемерными явленіями западной жизни до отрицанія западной цивилизаціи цѣлая бездна разстоянія.

Авторъ статьи „наша печать и болгарскія дѣла“ заговорилъ о Хомяковѣ по поводу современныхъ отношеній русской печати къ славянскому вопросу. Онъ трактуетъ о желательныхъ, по его воззрѣніямъ, отношеніяхъ русскаго общества и народа, въ особенности русской церкви къ славянамъ, въ сферѣ интеллектуальной вообще и въ частности въ области жизни религіозной и при этомъ поражаетъ „московскую теорію“ этихъ отношеній, которая будто бы понимаетъ солидарность славянъ не иначе, какъ въ видѣ „передѣлки всѣхъ славянъ на московскій образецъ“, отношенія Россіи къ славянамъ — не иначе, какъ въ видѣ гегемоніи первой надъ послѣдними; московская „славянская идея“ узка и притязательно-эгоистична, не по праву самолюбива; она дѣло лишь досужаго мечтательства. Московская теорія проектируетъ, будто бы, какъ необходимое условіе нашихъ дружественныхъ отношеній къ славянамъ пропаганду между ними православія, въ чемъ-де высказывается не истинно-христіанская любовь, а лишь „схоластическое или бюрократическое зилотство“, и т. д. Авторъ статьи не говоритъ, гдѣ онъ вычиталъ всѣ эти ужасы: пропаганду, зилотство, которыя, будто бы, грозятъ со стороны Россіи славянству, освобождаемому

ею въ настоящее время, и кого онъ въ настоящемъ случаѣ имѣетъ въ виду. Сколько намъ извѣстно, не говоря уже о православной церкви въ ея официальномъ представительствѣ и конфессіональныхъ органахъ, даже извѣстные славянофильскіе писатели всего менѣе повинны въ преступленіи, которое „Вѣстникъ Европы“ усиливается взвалить на ихъ голову. А. С. Хомяковъ и Ю. О. Самаринъ такъ много и такъ часто говорятъ въ своихъ сочиненіяхъ о свободѣ совѣсти и говорятъ съ такою компетентностію, что вся эта реплика „Вѣстника Европы“ представляется намъ не чѣмъ инымъ, какъ борьбою съ вѣтранными мельницами.

Заключимъ настоящую нашу замѣтку по поводу сужденій „Вѣстника Европы“ о славянофильствѣ, періодически повторяющихся, нижеслѣдующими прекрасными словами Хомякова, сказанными нѣкогда по поводу современныхъ ему отношеній Запада къ Россіи,—словами, которыя какъ нельзя болѣе идутъ къ отношеніямъ современнаго западничества къ бывшимъ и теперешнимъ славянофиламъ. „По неволѣ спрашиваешь, говоритъ Хомяковъ, на чемъ основана такая злость Запада противъ насъ? Чѣмъ мы ее заслужили? Вспомнимъ, какъ одного мы спасли отъ неизбежной гибели, какъ другаго, поработеннаго, подняли, укрѣпили, какъ третьяго, побѣдивъ, спасли отъ мщенія и т. п. Досада намъ позволительна: но досада скоро смѣняется другимъ, лучшимъ чувствомъ—грустію истинной и сердечной. Въ насъ живетъ желаніе человѣческаго сочувствія, *въ насъ безпрестанно говоритъ теплое участіе къ судьбѣ нашей иноземной братіи, къ ея страданьямъ, также какъ и къ ея успѣхамъ, къ ея надеждамъ, также какъ и къ ея славію.* И на это сочувствіе, на это дружеское стремленіе мы никогда не находимъ отвѣта: ни разу слова любви и братства, почти ни разу слова правды и безпристрастія. Всегда одинъ отзывъ—насмѣшка и ругательство; всегда одно чувство—смѣшеніе страха съ презрѣніемъ. Не того желалъ бы человѣкъ отъ человѣка!“ (Соч. Хом. т. I, стр. 1—2).

Николай Барсовъ.

20 декабря 1877 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки